

СВЯТЫЕ СТАРЦЫ

Вячеслав
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2019

(1819)

Вячеслав Бондаренко

СВЯТЫЕ СТАРЦЫ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2022

Информация от издательства

Бондаренко В. В.

Святые старцы / Вячеслав Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2020. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1819).

ISBN 978-5-235-04689-4

В этой книге речь идет о старцах в православном смысле этого слова. А это не просто наиболее уважаемые и опытные в духовной жизни монахи, но те, кто достиг необычайных духовных высот, приобрел дар целительства, чудотворцы и прозорливцы, молитвенники, спасшие своим словом сотни и тысячи людей, подлинные «столпы веры». Автор книги, историк и писатель Вячеслав Бондаренко, включил в нее десять очерков о великих старцах Русской Православной Церкви XVIII—XX веков, прославленных в лике святых. Если попробовать составить список наиболее выдающихся граждан нашей Родины, считает автор, то героев книги по праву можно поставить во главе этого списка достойных: ведь именно они сосредоточили в себе духовную мощь и красоту России, ее многовековой опыт. И совсем не случайно за советом, наставлением, благословением к ним приходили и полководцы, и политики, и писатели, и философы, и простые люди.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

16+

© Бондаренко В. В., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

ОТ АВТОРА

Если из длинного ряда выдающихся людей нашей Родины попросить выделить тех, чей вклад в ее развитие был наиболее весом, ответы наверняка будут разными: люди назовут выдающихся политиков, полководцев, писателей, ученых... Все эти ответы будут в разной степени верными, но героев данной книги по праву можно поставить во главе этого списка достойных. Ведь именно они сосредоточили в себе духовную мощь и красоту России, ее многовековой опыт. И совсем не случайно за советом, наставлением, благословением к ним приходили и полководцы, и политики, и писатели, и философы. Речь идет о старцах.

Возможно, кого-то из читателей серии «ЖЗЛ» подобный взгляд удивит: ведь «традиционная» история общества пишется людьми светскими. Однако не менее значима история другая — духовная, потаённая от поверхностного взгляда, лишенная, может быть, резких внешних сломов и поворотов, но невероятно глубокая, наполненная высшим смыслом. И в ней на первый план выходят как раз носители Духа, великие молитвенники, прославленные в лике святых. Об этом глубинном пласте русской истории и пойдет речь в книге. В ней перед читателем откроются совсем иные XVIII, XIX и XX века, нежели те, что знакомы нам по учебникам истории...

Значение слова «старец» в истории Церкви со временем менялось. Еще в середине XVIII века так именовались просто старшие по возрасту монахи; так звали также строителей монастырей, заведующих послушанием в какой-либо области (конюший старец) и т. п. Однако затем старцами стали называть чрезвычайно опытных в духовной жизни монахов, заботившихся о духовном окормлении братии своего монастыря и мирян. Впоследствии слово «старец» употреблялось и в применении к лицам из белого духовенства (не монашествующего), достигшим необычайных духовных высот, и даже, в исключительных случаях, к светским лицам. К

церковной иерархии это понятие отношения не имело: старцами могли быть и монахи, и иереи, и архиереи, выходцы из любого сословия — дворяне, купцы, мещане, крестьяне, священники. Также не имел значения возраст: преподобный Паисий (Величковский) начал старчествовать, когда ему было под тридцать, отец Адриан Югский — слегка за тридцать, преподобный Гавриил Седмиезерный — тридцать семь, преподобномученик Игнатий (Лебедев) — слегка за сорок, и эти примеры можно продолжать.

Внешними сторонами старчества, заметными даже непосвященным, были прежде всего присущие старцам духовные дары — целительство, чудотворчество, прозорливость, Божественное рассуждение. Однако намного более важным был опыт духовной брани, борьбы с грехом и страстями, достигавшийся путем постоянной молитвы, изучения Священного Писания, окормления духовных чад, иных подвигов.

Появившись одновременно с самим институтом монашества, в X столетии, русское старчество прошло за свою историю множество этапов. С ранним связаны имена таких гигантов духа, как преподобные Сергей Радонежский, Павел Обнорский, Пафнутий Боровский, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский. После XV столетия традиции раннего старчества в России уходят на глубокую периферию духовной жизни. Но даже в самые тяжелые для русского монашества времена в провинциальных монастырях и на отдаленных приходах развивались свои, оригинальные старческие традиции. Такими самородками были преподобные Феодор Санаксарский, Зосима Верховский, Василиск Сибирский, Лазарь Псково-Печерский, святой праведный Алексей Гнеушев, многочисленные рославльские, трубчевские и брянские пустынножители и, разумеется, преподобный Серафим Саровский.

А в конце XVIII столетия благодаря ученикам преподобного Паисия (Величковского) русское старчество получает новый импульс. После духовного обморока, в котором находилось русское монашество петровских и послепетровских времен,

именно старцы сделали той «живой водой», которая омыла сначала церковную, а затем и светскую Россию и привела ее к духовному возрождению. Имена этих людей никогда не были «на первом плане», в их честь и сейчас не называются улицы и не слагаются песни, но это и естественно — человек, посвятивший себя монашескому деланию, не стремится к публичности и тем более популярности в светском смысле этого слова. Но своим тихим, каждодневным великим деланием, подвигом пламенной молитвы за Россию они незримо спасали многие тысячи душ. И хотя эта традиция далеко не всегда встречала понимание у церковных властей и рядовых монашествующих, Белобережская, Площанская, Оптина, Глинская пустыни, Псково-Печерский монастырь постепенно становились настоящими маяками, на которые стремились люди, жаждущие понять главное в себе и окружающем мире. Характерно, что не старцы «шли в народ», а сами верующие тянулись к ним. А «золотая цепь» русского старчества, несмотря на страшные испытания, выпавшие на долю Церкви в XX столетии, уже не прерывалась. Остается только изумляться и восхищаться тем, что Россия в таком множестве рождала подобных светил духа, каждый из которых мог сказать: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Безусловно, мир русского старчества чрезвычайно обширен: ему посвящены сотни исследований, десятки отдельных книг. В эту — вошли очерки лишь о десяти подвижниках духа, личность каждого из которых являла живую веху в развитии старчества и была овеяна легендами еще при жизни. Кроме старцев-монахов, в этой книге представлены очерки о великих «старцах в миру», священниках, снискавших славу прозорливцев, чудотворцев и утешителей, — святых праведных Алексии Гнеушеве и Алексии Мечёве. Между исследователями до сих пор ведутся споры, можно ли причислять этих выдающихся пастырей (как и, например, святого праведного Иоанна Кронштадтского, священноисповедника Георгия Коссова и других) к старцам; на наш взгляд — можно, ведь в их делании явственно проявлялись те же дары, которые были

свойственны выдающимся монашествующим старцам, и главное — присутствовало духовное водительство, главная цель которого — спасение.

Задача, стоявшая перед автором, была очень сложной и ответственной. Ведь серия, в которой выходит книга, называется «Жизнь замечательных людей», а не «Житие...». Между тем рассказ о святых предполагает именно житийные приемы и рамки. Но в русской литературе есть прекрасные образцы работ о святых, которые не относятся к классическому житийному формату, — это труды Б. К. Зайцева (1881—1972) и о. Лазаря (Афанасьева, 1932—2015). Написанные спокойным, сдержанным языком, эти книги тем не менее выдержаны в жанре не жития в общепринятом смысле слова, а жизнеописания. Именно этим образцам автор стремился следовать, рассказывая о судьбах великих русских старцев. Насколько это удалось — судить читателю. Вполне признавая свое недостойнство («Духовный человек судит обо всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2, 15)), автор тем не менее надеется на то, что его рассказ о великих подвижниках Божиих поможет кому-то изменить взгляд на себя и окружающих, стать хоть немного лучше, обратиться за молитвенной помощью к Тому, кто всегда готов откликнуться на наш зов, совершить паломничество в обители, где подвизались великие старцы. А новые сведения, которые удалось обнаружить в ходе работы над книгой, уточнят наши представления о их духовном и жизненном пути.

Автор сердечно благодарит за помощь в работе над книгой Патриаршего Экзарха всея Белоруссии митрополита Минского и Заславского Павла (Пономарёва), благословившего начало этого труда, о. Владимира Вигилянского, Александрина Вигилянскую, о. Кирилла (Воробья), о. Александра Чурочкина, Светлану Ивлеву, Филиппа Москвитина, Павла и Ольгу Богатовых.

Молитвами преподобных и богоносных отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси и помилуй нас!

Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ ВАСИЛИЙ ПЛОЩАНСКИЙ (Кишкин, 1746—1831): «Жаждающий спасения Вашего...»

На современных картах России село Сотниково относится к Фатежскому району Курской области. Но в 1740-х годах, во времена Елизаветы Петровны, это был Курский уезд Белгородской губернии, да и называлось поселение совсем по-другому — Архангельское на Гниловодах. Именно там жила семья Кишкиных — Тимофей Григорьевич и Домникея Николаевна. Существует, впрочем, еще одна версия по поводу их местожительства — деревня Ключниково, расположенная в тех же местах. Но в ревизской сказке 1782 года указано именно Архангельское.

В российских родословных книгах значилось несколько дворянских родов Кишкиных, но Кишкины белгородские не имели к ним никакого отношения. Они были однодворцами — потомками служилых людей, которые селились на южных и западных окраинах России и несли там сторожевую службу. За это однодворцам разрешалось владеть землей и крепостными. Но на деле они так и остались неким промежуточным сословием между дворянами и крестьянами, сохранив присущую первым сословную гордость, сочетающуюся с простотой нравов и личным трудолюбием.

Тимофей Григорьевич и Домникея Николаевна Кишкины родились в Петровскую эпоху: он — в 1707 году, она — в 1712-м. К 1746-му у них было уже пятеро сыновей — Сила, год рождения которого неизвестен, Карп (1736), Алексей (1737), Анцифор (1740) и Степан (1745). Из них двое служили в армии, двое имели свои семьи, и только Карп жил вместе с родителями. Последнего, шестого ребенка в семье назвали Владимиром. Он появился на свет в 1746 году (в ревизской сказке указано: «Володимер, в 762 году было 16 лет»). Уже немолодые родители, по-видимому, восприняли появление на свет младшего как Божию милость, так как сызмальства стали готовить его

к служению Господу. Судьба Владимира была для них как бы данью, которую они приносили Богу в благодарность за его рождение. А может быть, и сами родители сразу почувствовали особенность Володи, его непохожесть на других детей.

Душа маленького человека раскрылась на зов с Небес очень быстро. Посещения храма стали для него желанной необходимостью, а к родителям он приставал не с обычными детскими вопросами, а просил объяснить непонятные для него места из Псалтири. Например, такой: что значит «кто взыдет на гору Господню; или кто станет на месте святем Его»? И что такое «неповинность рук и чистота сердца»?

— Если ты будешь сторониться детских забав и шалостей и будешь прилежать молчанию и молитве, то будешь неповинен руками и чист сердцем, — объяснил отец, — и с помощью Божией взыдешь и на гору Господню и станешь на месте святом Его.

Эти слова глубоко запечатлелись в душе мальчика. Вскоре он начал сторониться игр со сверстниками, в храме бывал ежедневно и там стоял отдельно от всех — сдержанный, сосредоточенный на молитве, с сияющим, словно у маленького ангела, лицом. А когда ему исполнилось семь лет, попросил родителей отпустить его на богомолье в Свято-Успенскую Саровскую пустынь. Отец дал ему специальное «увольнительное письмо», позволявшее мальчику отправиться в неблизкое (до Сарова по прямой было 550 верст) странствие.

К этому времени история пустыни насчитывала чуть меньше полувека — ее первый храм был освящен в июне 1706 года. К воротам пустыни семилетний странник пришел не один, а с встреченным по дороге ровесником, таким же юным богомольцем Николаем. И каково же было их изумление, когда встречать их к Святым вратам вышел сам настоятель, иеромонах Исаакий!.. Так произошло потому, что настоятелю незадолго до этого было откровение: встретить и приютить двух мальчиков. А те, очарованные духом обители, сами не заметили, как паломничество превратилось в трудничество.

Через два года у отроков появился духовный руководитель — иеромонах Ефрем (Коротков, 1692—1778), живший в отдаленной келии, стоявшей в лесу. В миру отец Ефрем был купцом, родом из Тулы. Судьба оказалась к нему неласкова — он был неправомерно обвинен в государственной измене и 16 лет провел на поселении в Орской крепости. Только в июле 1755-го его оправдали и разрешили вернуться в пустынь. Так что на духовное окормление к отцу Ефрему Владимир и Николай попали как раз в год его возвращения из заточения. Именно отец Ефрем преподавал будущему великому старцу Василию уроки, которые запомнились на всю жизнь: быть смиренным, ничего не делать без благословения, не усердствовать без меры в монашеском подвиге, всех любить и всех избегать.

После келейного послушания у отца Ефрема последовало послушание в трапезной. Исполняя его, десятилетний мальчик настолько погружался в молитву, что не раз бил посуду, а то и попросту забывал, как пройти в собственную келию. Но братия была к нему снисходительна — и в силу возраста, и, видимо, в силу особого уважения к молитвенному состоянию, которое владело юным послушником.

В 1756 году Владимир попросил настоятеля благословить его на паломничество в Киево-Печерскую лавру. В путешествие отправился не один, а с родственником, Михаилом Каменицким. Тот оставил интересное свидетельство об этом паломничестве:

«Идя дорогой, встречается нам один странник. Владимир останавливает его и заводит с ним душеполезный разговор. Я досадовал на него за это, но смолчал. Вот приходим мы на постоялый двор на ночлег, хозяин двора, видя в своем доме юного и смиренного подвижника, начинает его спрашивать, откуда и куда тот идет. Владимир с обычной для него кротостью простирает беседу, исполненную любви и мира. Между тем, жители, узнав о пребывании здесь необычных странников, начинали приходить сюда и слушали душеполезную беседу необыкновенного отрока, и все приходили в восторг и умиление, удивляясь такому малому дитю и не по летам его

разумности. На другой день мы собрались уже в путь, а жители ожидали нас проводить и провожали далече. При прощании их с нами Владимиру давали деньги, но он мало что из них взял, а всё более отказывался от них. И такие случаи в продолжение нашего странствия были нередки. Я же, окаянный, за учение его до того на него разгневался, что всячески его ругал, поносил, бил, терзал за волосы и о землю ударял. Но Владимир был, яко нем и глух и не отверзаяй уст своих, припадал к ногам моим и со слезами просил у меня прощения. После того, когда я приходил в себя, совесть довольно упрекала меня, называя убийцей и поругателем и как бы говорила: аще зле он глаголал, суди о зле, аще же добре, то почто его биеша? Чтобы несколько успокоить себя, я умыслил оставить Владимира одного. И действительно, по приходе нашем в Киев я тотчас же скрылся от него». Но в жизни Владимира Михаил затем еще появится.

1760 год ознаменовался тем, что родители подростка попросили настоятеля Саровской пустыни временно отпустить его домой. И когда пятнадцатилетний послушник появился в Архангельском, Тимофей Григорьевич и Домникея Николаевна со слезами начали умолять его остаться в родном доме навсегда. В ответ сын, также рыдая, упал перед родителями на колени и начал умолять их отпустить его назад в монастырь. Сцена получилась душераздирающая. Но Кишкины-старшие были непреклонны. Нарушить их волю подросток не посмел...

Почему же родители, с детства мечтавшие о Божьем пути для младшего, вдруг так изменили свое мнение? Возможно, они нуждались в опоре: старшие дети женились, давно уже жили своими домами. Кроме того, они ведь и не противились стезе Владимира: молиться и поститься можно и дома, в миру. Надеясь сделать младшего сына «обычным» человеком, ему не раз предлагали жениться на местных девушках, но Владимир твердо стоял на своем: никакой женитьбы. Более того, в один из дней он сумел под каким-то предлогом отпроситься из дома и в Миропольском Белогорском Николаевском монастыре принял тайный постриг в рясофор. Почему именно там? Еще во время паломничества в Киев один из монахов повелел ему

идти в эту обитель, прибавив: «Место сие тебе во спасение будет». Родителям наверняка об этом не сказал — те могли и не пережить такой новости.

Иногда удавалось съездить и за двести вёрст в Задонский Богородицкий монастырь, где в то время проживал на покое бывший епископ Воронежский и Елецкий Тихон (Соколов, 1724—1783). Святитель Тихон Задонский стал вторым главным учителем для будущего старца Василия. Будучи в Задонске, Владимир дивился бедной обстановке келии владыки, скудости его пищи, тому, как он сам косит сено и колет дрова. А тот внушал юному ученику, что нынешний этап его жизни необходим ему для его же блага. Жить же благочестиво можно и за стенами монастыря.

— Кто и в мирской одежде, да послушание и смирение и чистоту имеет, тот и без монашеских обетов есть непостриженный монах, — говорил владыка Тихон.

В 1765 году скончался отец Владимира. Но владыка Тихон благословил двадцатилетнего инока оставаться в миру и дальше и служить матери вплоть до ее кончины. Впрочем, через несколько лет Домникея Николаевна, убедившись в том, что сделать из сына «светского» человека не получится, согласилась на его возвращение в монастырь. Хотя и с условием: «вид» на поступление в обитель дала не постоянный, а временный, сроком всего на год. И в 1772 году, в возрасте двадцати семи лет, Владимир снова вошел в Святые врата — на этот раз Курской Коренной пустыни...

В то время эта обитель находилась в упадке. После того как в 1764 году указом Екатерины II она была исключена из состава Знаменского монастыря, пустынь начала беднеть, в ней оставалось всего двенадцать монахов, а нравы оставляли желать лучшего. Это не устроило новоприбывшего, и Владимир на протяжении десяти лет странствовал по разным обителям, ежегодно возвращаясь при этом домой, чтобы продлить выдаваемые матерью документы.

На нынешний взгляд такое поведение монаха выглядит довольно странным, но для конца XVIII столетия оно было

скорее обыденным. Корни такого положения дел уходили еще в Петровскую эпоху, когда в России началась настоящая борьба с монашеством. В 1703 году было запрещено строить новые обители, в 1723-м в существующих монастырях запретили новые постриги, а на места, освободившиеся после смерти иноков, приказали определять отставных солдат-инвалидов, нищих и тяжелобольных. По мысли Петра I, монастыри должны были превратиться в подобие богаделен, а монашество постепенно преобразоваться в подвид государственного крестьянства. Девять лет спустя, уже при Анне Иоанновне, запрет на постриги был подтвержден, исключения делались только для овдовевших священников и бывших солдат. Политика секуляризации, которую проводила в начале своего правления Екатерина II, тоже дала свои невеселые плоды — множество малых монастырей было упразднено или в лучшем случае выведено «за штат», то есть лишено государственной поддержки. Они могли рассчитывать разве что на помощь пожертвователей. Атмосфера в таких умирающих провинциальных обителях царила нервная, нередко были случаи клеветы и доносов братии друг на друга. В монашеской среде распространились всевозможные пороки, на территорию мужских обителей свободно допускались женщины, монахи посещали келии друг друга или надолго покидали территорию монастыря, собирая пожертвования. Таким образом, переходы Владимира Кишкина из одной обители в другую были вполне «в духе времени». Памятуя о том, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, благочестивый, сдержанный юноша понимал, что в атмосфере распушенности и мирской суеты заниматься духовным совершенствованием будет сложно — и отправлялся дальше...

Так продолжалось до осени 1782 года. Тогда Домникея Николаевна Кишкина скончалась, на смертном одре уже окончательно и без всяких условий благословив сына на путь монашеского делания.

Уже во второй раз в жизни Владимира Кишкина возник Миропольский Белогорский Николаевский монастырь. 7 марта

1783 года игумен Константин (Саурский) постриг новоприбывшего в мантию с именем Василий. Монашеское имя Владимир получил в память погибшего в монгольском плену святого праведного князя Василия Ростовского, память которого Церковь отмечает 4 марта.

Но долго пребывать в Мирополье новопостриженник по каким-то причинам не стал — уже 30 мая 1783 года он подал прошение о переводе на Валаам, где подвизался его добрый знакомый по Саровской пустыни иеромонах Назарий (Кондратьев). Впрочем, и там отец Василий не задержался и в 1784-м остановил свой выбор на Курском Знаменском Богородицком монастыре. Здесь атмосфера, по-видимому, пришлась ему по душе. Три года спустя, в год посещения обители Екатериной II, епископ Белгородский Феохтист (Мочульский, 1729—1818) совершил иеродиаконскую хиротонию отца Василия, и он начал исполнять в монастыре послушания ризничего и клиросного. Так прошло девять лет. За это время отец Василий приобрел среди братии учеников, которые окормлялись у него духовно, — монахов Анастасия, Арсения, Израиля и др.

В 1794 году иеродиакон отец Василий вновь отправился в путь, на этот раз — самый дальний из тех, которые он предпринимал, — на Святую гору Афон. Почему — понятно: именно там в 1746—1763 годах подвизался преподобный Паисий (Величковский, 1722—1794), основатель русского старчества в его современном виде. Возможно, предпринять это путешествие отец Василий пожелал под воздействием новости о смерти Паисия; возможно — в связи с прочтением его главного труда — изданного в мае 1793 года в Петербурге «Добротолюбия». Но в любом случае он (и не только он — в путь с ним отправились и его ученики) хотел прикоснуться к тому «идеалу» монашеской жизни, который был устроен Паисием в Свято-Ильинском скиту на Афоне.

Сейчас нам явственно видно, что жизнь великого преобразователя монашества удивительным образом перекликается с жизнью самого Василия (Кишкина). Уроженец

Полтавы Паисий так же, как и Василий, с юных лет стремился к монашеству, ушел в монастырь еще мальчиком, так же сменил несколько обителей в поисках мудрых наставников. Таких он нашел в молдавском Трейстенском скиту, а позже переместился на Афон, где «обхождаше отшельники и пустынножительныя отцы, ищуще по намерению своему некоего духовного отца, в делании монашеством предуспевающа и в божественных и отеческих писаниях искусна, сидяща в безмолвии наедине в тишине и нищете, ему же бы мог предати себе в послушание. Но не обрете таковаго». Вероятно, по своему великому смирению он сам не заметил, как стал для других тем Учителем, которого желал для себя... Так же, как и Василий (Кишкин), Паисий поздно принял священный сан. Когда число его учеников возросло до такой степени, что на Афоне им стало тесно, а вокруг уже полыхала очередная Русско-турецкая война, Паисий вернулся в Молдавию, где возглавлял Драгомирнский (1763—1774), Секульский (1774—1779) и Нямецкий (1779—1794) монастыри. Именно в Няцах им было создано «Добротолюбие» — свод переведенных с греческого текстов Отцов Церкви, ставший впоследствии одной из главных русских духовных книг...

Путешествие из Курска на Афон было долгим и трудным. Вероятно, добирались благодаря пожертвованиям купцов-курян — в XVIII веке это была обычная практика. Плыли на корабле из главного южнорусского порта тех лет — Таганрога — до Константинополя, а оттуда — на Святую гору... Поселились куряне в устроенном старцем Паисием Свято-Ильинском скиту, приобретя себе келию с садом. Со времени пребывания на Афоне Паисия прошло уже тридцать лет, но вокруг всё по-прежнему напоминало о нем. Вокруг стояли храм, трапезная, келии, на постройке которых он трудился; живы были старики-монахи, помнившие его. Конечно же, отец Василий расспрашивал местных старожилов, в том числе настоятеля отца Варлаама, о Паисии, и не столько о внешних проявлениях его жизни, сколько о ее внутренней, духовной сути. Рассказанное запоминалось надолго, оседало в душе.

А сам иеродиакон по своему смирению не примечал, как уже к нему начинают постепенно стекаться за поучением местные монахи. Слушая рассуждения отца Василия, они говорили между собой так:

— Много у нас на Святой горе угождающих Богу и благодати исполненных старцев, но такового дара учения и врачевания душ ни у кого нет!

Афон настолько прочно вошел в душу отца иеродиакона, что он решил для себя — наконец-то найден тот идеал, к которому он всегда стремился. Но Бог судил иначе. В 1798 году один из учеников отца Василия, Израиль, разложил на солнце для просушки виноград и отлучился из келии. В результате начавшегося пожара сгорели не только келия, но и примыкавшая к нему часть горного леса. Турецкие власти (Афон находился на территории Османской империи) бросились искать виновных; наказание за поджог ожидало очень суровое — могли и казнить. Спасаясь от преследований, отец Василий с учениками вынуждены были оставить скит. Посоветовавшись, приняли решение следовать в Молдавию, в Нямецкий монастырь — еще одно место, неразрывно связанное с именем великого старца Паисия.

На полпути, в Константинополе, монахам встретился русский купец родом из Брянска. Он бросился к отцу Василию с мольбами дать в долг денег — мол, подвернулась выгодная партия товара, — и обещал вернуть всё с процентами. Отец Василий отдал ему все деньги, которые были пожертвованы братии. Купец же, получив на руки большую сумму, и не подумал ее возвращать. Каково же было его изумление, когда отец Василий подошел к нему на улице и, кланяясь, промолвил:

— Избавил ты меня, чадо, от тяжкого бремени. Достаточно нам для пути веры и упования на Бога!

Так и вышло — монахов перевезли через Черное море бесплатно, а купец, польстившийся на жертвования, потерпел кораблекрушение и потерял весь свой товар.

Сколько именно времени отец Василий с учениками находились в Нямецком монастыре, неизвестно. Но, конечно

же, они поклонились мощам старца Паисия. И, может быть, унесли с собой частичку мощей в Россию. На родину отец Василий вернулся в 53-летнем возрасте, вместе с учениками Арсением и Израилем...

После возвращения перед ним встал прежний вопрос — в каком монастыре жить дальше?.. По-видимому, он перебирал в памяти своих давних знакомых, так как первым, в октябре 1798 года, отправился к иеромонаху Адриану (Блинскому) в Коневский Рождество-Богородичный монастырь, что на ладожском острове Коневец. Но там отец Василий долго не задержался — может быть, резкий контраст между южным афонским климатом и холодной Ладогой отразился на его здоровье. А может быть, пришла весточка из Курской Коренной пустыни, где он уже жительствовавший четверть века назад. В 1798-м наместником пустыни был друг отца Василия, иеромонах Софроний, который энергично пытался утвердить в пустыни соответствующие святому месту благочестивые порядки. Верным помощником в этом деле и стал для него иеродиакон Василий (Кишкин).

В 1799 году пустынь возглавил еще один близкий отцу Василию человек — иеромонах Макарий (Каменицкий), тот самый его родственник, с которым они вместе почти сорок лет назад совершали паломничество в Киев и который во время этого странствия его «ругал, поносил, бил, терзал за волосы и о землю ударял». Но прошедшие годы сильно изменили отца Макария, и он со слезами просил у родственника прощения за давние грехи. При его поддержке отец Василий начал проводить в пустыни настоящую реформу монашеской жизни. Образцом при этом служили афонский Свято-Ильинский скит и Нямецкий монастырь, те порядки, которые были там установлены Паисием (Величковским).

Устав Паисия включал в себя 18 малых «уставов», или пунктов. Первый пункт гласил: «Ни единому брату ни ким образом ни какового движимого и недвижимого стяжания, ниже малейшей вещи не имети, ниже свое что именовати; но вся, от Бога посылаемая к составлению общего жития, имети

обща». Второй пункт был направлен на то, чтобы «всем братьям должно прежде всего и паче всего стяжати послушание: всякую свою волю, и рассуждением самочинием оплевавши и вне повергши, волю же и рассуждение и заповеди отца своего творити и исполняти». Третий пункт утверждал первенство в монастыре настоятеля, который не должен «ни учение от себя приносить, ни заповеди предавати — но по силе Св. Писания и учения св. отец должен часто братию поучати и наставляти, и волю Божию открывати». Четвертый пункт утверждал богослужение по Афонскому чину, без сокращений; пятый вводил общую трапезу; шестой предписывал братии совершать умную молитву: «В келлиях братия должны сидеть, по преданию святых отец, со страхом Божиим, паче всякого подвига предпочитаючи умную молитву, в сердце умом художне совершаемую, яко же многие богоносные отцы о ней учат»... И так далее, до пункта 18. Этот устав действовал в Немецком монастыре с 1779 года, а в России начал медленно утверждаться два-три десятилетия спустя.

Понимая, что резкая, жестко проводимая реформа вызовет отторжение монашествующих, отец Василий действовал постепенно, мягко. Для начала в Коренную пустынь был запрещен вход женщинам. Затем и самим монахам было запрещено покидать пределы обители и странствовать в поисках подаяния. Отныне братия должна была пребывать в собственных келиях, считая их как бы своими гробами, и всё время проводить в безмолвии, Иисусовой молитве и чтении душеполезных книг. Службы начали совершаться по Афонскому чину. Вместо суетного, нервного, полного соблазнов быта в пустыни понемногу воцарилось спокойное, благочестивое, приносящее пользу душе течение жизни.

Гладко ли протекала эта реформа, все ли безоговорочно поддерживали отца Василия в этом начинании? Судя по сохранившимся воспоминаниям, о единодушии речи не было. Новые строгие порядки и запреты не могли не возмущать тех из братьев, которые были слишком подвержены «духу времени». Так, некий иеромонах Леонид, обладавший красивым голосом,

пленил своим пением на клиросе местную помещицу по имени Анна и начал с ней встречаться. Отец Василий как мог пытался прекратить бесчинства пары, но Леонид с Анной не только не прекратили свои отношения, но и начали засыпать духовное начальство доносами на иеродиакона. Пришлось отцу Василию самому отправиться на прием к архиепископу Курскому и Белгородскому Феокисту (Мочульскому) и просить для отца Леонида перевода в другое место. В итоге пара была разлучена. Но клевета на отца Василия не прекратилась, более того — недовольные им монахи не раз побивали его камнями и даже замыслили его убийство. Впрочем, разрешилась эта история благополучно: заговорщики опомнились и сами пришли к отцу Василию каяться, а тот простил их и попросил держать всю эту историю в тайне.

Словом, недовольных новациями в афонском духе хватало. Но неизмеримо больше было тех, кого новый облик Курской Коренной начал завораживать, манить к себе. В 1798—1799 годах резко возросло количество паломников, в пустынь стали стекаться странники из близлежащих и отдаленных губерний. И большинство из них жаждали встречи с иеродиакonom Василием — ведь именно от него шла та живительная волна обновления, которая полностью изменила монастырь.

Впрочем, желанной встречи добивались далеко не все. Женщин, к примеру, отец Василий видеть не хотел вовсе. Но если уж приходилось с ними разговаривать, то низко склонял голову, чтобы не глядеть на собеседницу. Его смирение было настолько велико, что себя отец Василий называл «прахом и пеплом». Тех, кто поносил и бил его (вспомним монахов, нападавших на него с камнями), он искренне благодарил, кланяясь им до земли за то, что врачуют его грешную душу. Избегал всяких праздных речей и, слыша их, тут же молча отходил в сторону. Считал себя недостойным смотреть на иконы, старался не разглядывать не только мирские вещи, но и богослужебные сосуды, убранство ризницы. Как только его начинали хвалить, сразу же пресекал это, называя себя

бродягой, хуже не только скота, но даже и бесов. А начиная какое-либо дело, неизменно спрашивал у первого встречного — простого инока или случайного крестьянина:

— На пользу ли мне сие будет?

И, получив ответ, так и поступал, полностью отсекая свою волю.

Нет сомнения, что рост известности Курской Коренной пустыни, толпы паломников, желавших получить благословение, смущали и утомляли отца Василия. Какое-то время он с учениками даже удалился в Софрониеву Молченскую пустынь. Тем временем приближался очередной этап его жизни...

...26 октября 1798 года епископом Орловским и Севским был назначен Досифей (Ильин, 1751—1827), ранее бывший наместником Троице-Сергиевой лавры и епископом Старорусским. Объезжая свою новую епархию, владыка посетил и Брянскую Белобережскую Иоанно-Предтеченскую пустынь. Основанная почти сто лет назад, к концу века она пережила три закрытия (в 1724—1727, 1770—1775 и 1780 годах) и находилась в запущенном состоянии: вконец обветшавшие храмы и другие постройки, во главе — священник из белого духовенства, при котором пять человек братии... Но владыка Досифей был глубоко впечатлен уединенным расположением обители, ее видом и задумал восстановить пустынь. Как раз когда он размышлял над тем, кому можно поручить это сложное дело, его в Севске (именно там находилась тогда орловская кафедра) посетил иеромонах Арсений (Кириллов), ученик отца Василия, побывавший с ним на Афоне и в Нямецком монастыре. Теперь он направлялся из Курской Коренной обители в смоленские леса, где намеревался вести отшельническую жизнь.

— Как кому доверить?.. — переспросил отец Арсений, когда владыка Досифей доверительно поделился с ним мыслями. — Да моему духовному отцу Василию из Коренной. Лучше его никто с этим делом не справится.

— Верно! — обрадовался было владыка, но тут же задумался: — Да ведь отец Василий по своему смирению

не захочет принять наместничество в Белых Берегах...

— А в этом давайте я вам подсоблю, владыко, — предложил отец Арсений. — Авось и удастся уговорить старца.

Так и сделали. Отец Арсений приступил к своему духовному отцу с уговорами, и тот по некотором размышлении согласился. Ведь постоянная суета вокруг Курской Коренной пустыни его смущала и утомляла. А здесь предстояло возродить, а фактически основать заново монастырь, находившийся в отдаленном, труднодоступном месте. Заодно он и отца Арсения убедил не уходить в леса, а последовать вместе с ним — возрождать обитель...

27 января 1800 года последовал указ епископа Орловского и Севского Досифея о назначении отца Василия (Кишкина) настоятелем Белобережской пустыни. На этот раз путешествие было не особенно долгим — от Курска до Белых Берегов по прямой около двухсот вёрст. Сначала была встреча с владыкой Досифеем в Севске. Епископ встретил отца Василия словами:

— Пожалуйте, старец Божий, вас давно ожидает Белобережская пустынь на жительство к себе.

Потом состоялась длительная и теплая беседа, и наконец владыка Досифей благословил отца Василия на труды. И вот уже среди бескрайних заснеженных полей, по которым передвигался возок, завиднелись купола высокого каменного Владимирского собора. По мосту пересекли реку Снежеть, приток Десны... Действительно, красивейшие места!

Но каким же запущенным все выглядело! Мост, по которому проехал возок, едва не развалился под ним. В храме Святой Живоначальной Троицы не было... пола, и ходить приходилось по деревянным мосткам. Надвратный же храм Святых Захария и Елисаветы уже полвека как был разобран — средств на ремонт после пожара, случившегося в 1749-м, так и не нашлось.

Братия также встретила нового настоятеля неприветливо. Увидев, что внутренний двор обители не очищен от снега, а заготовленные дрова скоро закончатся, отец Василий попросил монахов заняться работой. На это ему дерзко ответили:

— Сам очищай и дрова руби!

Настоятель... так и поступил. Поклонился дерзившим в ноги, испросил у них благословение и молча взялся за топор и лопату.

Увидев это, монахи подумали было, что отец Василий просто не умеет настоять на своем. Тем более что случай вскоре повторился. Когда послушнику Степану Подсолнухину отец Василий поручил заниматься монастырской гостиницей и, вручая ключи, попросил подмести номера, тот швырнул ключи на пол со словами:

— Ты здоров и делать тебе нечего, сам иди, прибирай и подметай!

Реакция была точно такой же. Отец Василий поклонился дерзкому в ноги, подобрал связку ключей и молча взялся за метлу. А вот Степан отреагировал по-другому. Некоторое время он недоуменно смотрел на иеродиакона, а потом залился слезами и бросился просить у него прощения.

И именно этот случай изменил всё. Видя, как раскаялся известный своим грубым поведением Степан (предыдущее монастырское начальство его даже в цепи заковывало, но он не смирялся), монахи по-другому взглянули и на себя, и на смиренного, молчаливого своего начальника. Устыдились и тоже в слезах пришли к нему каяться, прося прощения за гордыню и грубость.

Начались труды по восстановлению пустыни. Но, по всей видимости, в начале своего настоятельства отец Василий все же сомневался в том, справится ли он с возложенными на него обязанностями, потому что в мае и августе 1800 года отказывался от должности, предлагая взамен себя 59-летнего иеромонаха Питирима. (Тем более что формально из числа братии Коренной пустыни его не исключали. «А как я из числа Коренного монастыря братства еще не исключен и состою в штате и ведомстве оною Коренного монастыря, то желаю всеусердно во оном жизнь мою продолжать неисходно», — писал он в прошении.) Этот шаг вызвал эмоциональную реакцию братии — монахи плакали и даже не приветствовали нового настоятеля Питирима так, как это было положено. Будучи

противником вводимых отцом Василием новаций, Питирим рьяно взялся за дело, принявшись возвращать в обители прежнее устройство, но мириться с этим монахи не стали, и в скором времени в обители произошел настоящий переворот — Питирим был с позором низложен, а настоятелем снова сделался отец Василий. Возвращаться к должности он отказывался, так что пришлось облекать его властью насильно — с помощью приказа орловского владыки. Вероятно, почувствовав поддержку большинства братии, отец Василий ощутил себя увереннее, понял, что им был взят правильный курс.

23 декабря 1800 года наконец состоялась иеромонашеская хиротония отца Василия. Напомним, что иеродиакон он был с 1787 года, но по смирению считал себя недостойным иеромонашества. Поэтому пришлось снова все обставлять официально, помимо его воли. Во время службы в Трубчевском Чолнском монастыре он сослужил епископу Досифею как иеродиакон и неожиданно для себя был приведен к рукоположению. Препятствовать воле епископа отец Василий не мог, но по возвращении в Белые Берега с горькими слезами продолжал говорить о своем достоинстве...

Под водительством иеромонаха Василия Белобережская пустынь в краткий срок из обветшавшего, умирающего монастыря превратилась в цветущее место. Вот как описывала свои впечатления от паломничества в Белые Берега первый биограф старца, монахиня Ангелина (Толбузина):

«Узнав о пришествии дивного старца Василия в Белобережскую пустынь и слышав много чудесного о сей пустыни, а более о святой жизни отца Василия, я с моими родными поехала туда, и что же я видела? Великие чудеса! В шесть месяцев времени обитель точно воскресла, и было так хорошо там, как бы в раю земном: всенощное бдение совершалось семь часов, поют сладко, подобно ангелам. Довольно странствовала я и до старых лет дожила, но нигде такого пения не слыхала. Многие обители видела я, но лучше нигде не было по чину, пению и смиренномудрому житию.

Устройством обитель подобна Святой горе Афонской. Жены в кельи и в настоящую церковь не входили, иноки с ними не беседовали. Даже мужеского пола мирян настоятель и братия в кельях не принимали. Но боголюбивых посетителей старец в гостинице принимал и сладкою беседою насыщал».

За год число братии пустыни выросло до шестидесяти человек. В 1801-м в монастыре принял постриг Лев Наголкин — будущий преподобный Лев Оптинский, один из героев этой книги. Другие насельники в свое время сами стали настоятелями монастырей: Мелхиседек (Сокольников) — Пустынно-Рыхловского, Симонова и Ново-Иерусалимского; Серафим (Веденисов), Каллист (Кочетов), Павел (Крячков) и Маркеллин (Патрикеев) строили Площанскую пустынь; Иона (Мирошниченко) основал Киевский Свято-Троицкий монастырь, Паисий (Суворов) — Радовицкий Николаевский, Аарон (Марякин) стал наместником Александро-Невской лавры...

Очень важным подспорьем стало прибытие в 1801—1805 годах из Нямецкого монастыря учеников Паисия Величковского — отцов Клеопы, Анастасия, Афанасия и Феодора. Один этот факт говорит о том, как быстро распространилась молва о Белобережской пустыни, и о том, что отец Василий воспринимался как своеобразный «апостол», официальный продолжатель дела Паисия в России. Нямецкая братия, вероятно, своим авторитетом немало помогла настоятелю наладить в Белых Берегах строгий монастырский устав по афонскому образцу. На клиросе же благодаря схимонаху Феодору (Ползикову) утвердилось молдавско-влашеское пение, производившее на русских паломников незабываемое впечатление — ничего подобного в то время услышать было нельзя.

Успешно и быстро продвигались работы и по воздвижению в обители необходимых зданий. Были построены новая гостиница для паломников, мельница, лесопилка. Обитель получала щедрые пожертвования от дарителей — в нее присылали утварь, богослужебные книги, сосуды и облачения,

обозы с хлебом, приносили крупные суммы денег. На праздники к началу всенощного бдения в пустынь съезжались все окрестные помещики и купцы, не забывая взять с собой пожертвования.

Нередко такие дары являлись в монастырь в чудесной обстановке. Так, накануне одной Пасхи закончился елей. Братия хотела было использовать льняное масло, но старец не благословил этого, заметив:

— Не малодушествуйте, а за все благодарите. Не о хлебе едином жив будет человек, а у нас благодатию Христовою хлеб не оскудел, а вы скорбите! Посмотрите на подвижающихся братьев, обедавших с нами: многие и по седмице хлеб не вкушали, в пустынях и землянках живущие, кореньями и травами питаются и болотную воду пьют. Молитесь, скоро Господь нас утешит!

И действительно, через два дня от неизвестного дарителя в обитель прибыл обоз с елеем.

Постепенно авторитет отца Василия в обители возрос до такой степени, что братия ничего не предпринимала без благословения настоятеля. Самочиние же всегда заканчивалось печально. Так, одного монаха отец Василий не благословил на паломничество в Киев, наставляя его быть более смиренным и терпеливым:

— Если же пойдешь самочинно, пожнешь горький плод, с телом и душу погубишь и Богоспасаемого града не увидишь.

— Кто слышал и где написано — не ходить в Киев и не молиться там Богу и не поклоняться святым? — дерзко ответил монах.

Итог самочинного паломничества был печальным — не дойдя до Киева, монах связался с раскольниками и умер без покаяния, перед кончиной подробно рассказав о предсказании старца.

Нескончаемой чередой шли в Белобережскую пустынь и больные — с верой, что отец Василий исцелит их. Попасть к нему было непросто, но те, кому это удавалось, получали исцеление по молитвам старца.

Посреди всей этой хлопотной деятельности настоятель по-прежнему оставался смиренным и простым человеком. На летнем сенокосе трудился наравне со всеми и был для братии образцом. «Трудитесь, братие! — любил говорить он. — Бог так ценит труд в послушании, что для Него каждая капля пота — как мученическая кровь». Сам обходил монашеские келии и, если видел пыль и грязь, молча брал метлу и подметал. А потом оставлял на столе небольшой гостинец — бублик, пряник или новый гребень для волос.

— Ложась спать, помышляй в себе, что ты лежишь во гробе, и ожидай Жениха, грядущего в полночи, и будет тебе Суд! — наставлял отец Василий братию.

Для совершения умной молитвы он удалялся в отдаленную келию в лесу, где его не могли найти паломники. Сам служил в храмах крайне редко, считая себя недостойным этой чести. Иногда подходил к клиросу, кланялся певчим, просил их спеть 41-й псалом («Реку Богу моему: Заступник мой, почто забыл мя еси?..») и на протяжении пения заливался слезами.

Посетителей старец встречал, как правило, за послушанием. Когда к нему пришел казначей Брянского Петропавловского монастыря игумен Гедеон, то он не узнал настоятеля в согбенном старике, облаченном в изорванную рясу и копавшем землю. На вопрос, как увидеть настоятеля, отец Василий спросил:

— Что хочешь, отче добрый, от лживого сего старца?

Лишь потом отец Гедеон узнал, что смиренный инок в рваной рясе и был нужным ему настоятелем. Гость вернулся и упал ему в ноги, прося прощения.

И всё же, несмотря на скромность старца, известность его шагнула далеко за пределы Белых Берегов. И раньше ему доводилось бывать по монастырским делам в Москве и Петербурге, а теперь такие поездки участились. Во время одного из таких визитов с ним завели разговор две фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги императора Александра I, — и пожелали представить его государыне. Но отец Василий сразу же спросил у братии совета, стоит ли

ехать в Петербург. Ответ был таков: «Если поедешь — станешь великим». Этого было довольно — старец сказался больным, и визит к императрице был отменен.

Тем не менее заслуги отца Василия по восстановлению пустыни были оценены по заслугам. 8 июля 1804 года Высочайшим указом Белобережская пустынь была включена в число пяти полагавшихся по штату Орловской епархии монастырей. «Считающемуся начальником пустыни иеромонаху Василию, который многие в ней ветхости исправил и завел там под руководством его Преосвященства порядок общежития, соделавшейся там кроткой жизни, благонравия и смиренномудрия, так и ревностно старался о содержании сей пустыни в лучшем ее благоустройстве, и его Преосвященству известным имеет быть, и именоваться строителем», — гласил указ Орловской духовной консистории от 28 июля.

Но четыре года настоятельства явно дали понять отцу Василию — совмещать руководящую должность и стремление к уединению крайне сложно. Он начал склоняться к мысли о том, чтобы покинуть обитель. Тайно — чтобы не сеять смуту в умах братии. Открыл свой замысел только епископу Досифею. Опечаленный владыка начал его уговаривать:

— Ты, отче, собрав своё стадо, привел их к Богу, и обитель тобой прославилась. Ты — добрый пастырь, полагаешь душу свою за овец, а наемник распустит их и стадо твое разорит. Кого изберу на твое место, и кто так братию утешит и немощи их понесет, или кто стяжал такую любовь и смирение? Ты и ненавидящих любишь и ожесточенных врачуешь смирением. Чьи уста изольют такие сладкие струи и напоят множество жаждущих душ? О отче любезный мой, не убивай меня твоим прощением! Твое богоугодное житие и святое учение не только пользуют епархию мою, но и в отдаленных краях многие слышавшие приходят в обитель и получают пользу.

Отец Василий поклонился владыке и ответил:

— Аз есмь, владыко святой, худой и неразумный человек, многая братия лучше меня.

И тут же предложил несколько кандидатур на выбор — причем как раз из тех, кто был к нему прежде недоброжелателен. Епископ возразил:

— Они для тебя святы, других же пользоваться не могут!

Но старец стоял на своем, и владыке Досифею не оставалось ничего иного, как согласиться. Общим решением новым настоятелем был избран иеромонах Леонид (Наголкин), который был хорошо известен отцу Василию. Самому же старцу был назначен для пребывания Свенский монастырь. «Усмотрев в Бело-Бережской пустыни добрый порядок во всем и довольное устройство по хозяйственной части, всё это относим к благоразумному и опытному попечению бывшего настоятеля старца иеромонаха Василия, коему за такие подвиги объявляем нашу благодарность, вверяя ему вместе с сотрудником иеродиаконном Анастасием таковое же заведение, какое будет возможно и какое Бог поможет завести в Свенском монастыре. Для этого дозволяется им, сколько будет потребно иметь пребывание в том монастыре. Нынешнему же Бело-Бережскому строителю предписываем хранить во всем заведенный прежним строителем порядок в церковном служении, нимало не упуская и не прибавляя ничего», — было сказано в приказе епископа Орловского и Севского Досифея, изданном 30 мая 1805 года.

Свенский Успенский монастырь размещался недалеко от Белых Берегов, непосредственно примыкая к границам города Брянска. И, видимо, прежняя обитель осталась в сердце отца Василия, потому что он нередко уходил в Белобережскую пустынь, вернее, в уединенную келийку, стоявшую на вершине покрытого сосновым лесом холма. Днем он неустанно трудился — возделывал огород рядом с келийкой, рубил дрова, делал деревянные ложки, миски и ларцы, шил одежду и обувь, плотничал, — а ночами ходил по лесу и со слезами молился. Если не было слез, отец Василий бил самого себя. А если какой-нибудь прохожий давал ему деньги или одежду, он немедленно отдавал это в монастырь. Сам же был крайне воздержан в пище — ел сухой хлеб, размачивая его в воде, сырые грибы и коренья...